

Вера Фролова

Академия живых картин

Москва
2026

ИЗ ДОМА

В коридоре было темно и тесно. Катя старалась побыстрее обуться и выскочить за дверь, но задержалась, завязывая шнурки.

— Зонт возьми! — прокричала мать из кухни.

— Хлеба купи, — подключилась к утреннему хору старшая сестра.

— Не задерживайся из гимназии, мне понадобится твоя помощь, — пропела с настойчивостью бензопилы бабушка Лиза, выплывая в коридор.

Катя застонала. Разумеется, совершенно беззвучно, чтобы не спровоцировать новую волну внимания к собственной персоне. Наконец ей удалось справиться с последним узлом на кроссовках. Поцеловав бабулю, Катя схватила рюкзак и выскочила за дверь.

Лифт ждать она не собиралась, потому что сестра могла пойти следом и нагрузить ещё каким-нибудь заданием. И так каждое утро. Чтобы поменьше общаться с домашними, Катя старалась просыпаться как можно позже, быстро закрывалась сначала в туалете, потом в ванной, а после стремительно неслась прочь

из квартиры — только бы поменьше выслушивать утренние наставления.

Родственницы, хотя и были как на подбор исключительно благородных профессий: художниками, искусствоведами и музыкантами, дома превращались в охотниц. Словно перепуганный заяц, Катя металась между ними, а вслед ей неслись приказы, похожие на ружейную дробь: «Надень платье хоть в последний учебный день!», «Не сутулься», «Съешь бутерброд, а то стала похожа на скелет», «Мусор захвати»...

Да сколько можно!

Как же они ей надоели, просто сил никаких нет! Неужели нельзя было помолчать, пока Катя не уедет в гимназию? Хоть одно утро? Ну ничего, сегодня ей предстояло выстоять заключительную линейку и вырваться на последние школьные каникулы. А на них у Кати была куча приятных планов: съездить на загородный пленэр, потом — в творческий кемпинг и после этого махнуть к бабушке Строковой. Она была не такой образованной, как мамина родня, но любила Катю молча. А по нынешним временам это казалось настоящей роскошью.

На улице Катя замедлила шаг. Поправила худи, пересобрала в высокий хвост растрепавшиеся светлые волосы, перекинула через левое плечо рюкзачок и пошла к метро. Медленно. Теперь можно не опасаться нескончаемых поручений, просто смотреть по сторонам и восхищаться питерскими пейзажами.

А тут всегда было на что посмотреть. Почти у самого метро, прямо посреди дороги, разложили

лотки продавцы рыбы. Зря, конечно. Встань они немного сбоку, запах тухлятины не бил бы в нос так сильно. Может, и покупателей у них было бы больше.

Как художник, Катя всё замечала. И мокрые перекошенные ящики, и яркую помаду продащицы, и тусклые глаза рыбы далеко не первой и даже не десятой свежести. Свет падал удачно, и ей хотелось сделать набросок прямо сейчас, чтобы запечатлеть тёмное небо, усыпанные листьями ветви деревьев, аляповатые вывески над входами в магазины, которые, словно норы, источили первый этаж соседнего многоквартирного дома.

И странную парочку на газоне возле входа в метро тоже было бы неплохо нарисовать. Оба с собаками, но такие разные! Только в Питере можно встретить такой дуэт: один — в тёплой куртке и высоких ботинках, а второй — в шортах и футболке с эмблемой знаменитого марафона. И у каждого во взгляде читалась полная неудовлетворённость видом соседа. Совершенно безмолвная. Но Кате нравилось!

Спускаясь в метро, а после трясясь в вагоне, за окнами которого ветер выл, как собака Баскервилей, она ловила и складывала в копилочку образы, тени и картинки. Влюблённые взгляды, потёртости на сумке, сочетание длинного платья с восточным узором и выдавшей виды соломенной шляпы. Странные, торчащие из причёски во все стороны ленты и блестящие серьги в форме черепов.

На улице тоже было живописно. Кате всё хотелось запомнить и запечатлеть. Она сбавила шаг,

перейдя Невский. Времени было предостаточно, можно не спешить. Да и травмированная нога даже после минимальной нагрузки начала ныть от ступни до самого колена. Вот же дрянь! Уже больше года прошло после операции, а улучшения всё нет. Болит, как у старухи, на погоду и после быстрой ходьбы.

Но с проблемами в ноге можно было смириться. В конце концов работать творчески можно и сидя. А вот вчерашнее обследование руки было критичным. Это воспоминание больно резануло Катю по сердцу, когда она подошла к Банковскому мосту. Прямо на набережной канала Грибоедова со стороны университета сидели студенты Академии Штиглица, чаще называемой Мухой. По одному или парами, они склонились над мольбертами и кто увлечённо, а кто ещё не вполне проснувшись писали крылатых львов цепного моста. Счастливики!

Кате хотелось сесть рядом и начать работать. Ухватить общее впечатление, а потом заполнить его тонкостями. Она любила писать именно так. И у неё прекрасно получалось! От грамот и дипломов художественных конкурсов дома ломались шкафы. Но всё это за старые работы. То, что она написала в художественной школе за год после травмы, никуда посылать не стоило.

Была надежда, что реабилитация, массаж и физиотерапия сделают своё дело. Но она не оправдалась. Сначала восстановление руки продвигалось успешно, а потом встало, хоть плачь! За последний месяц разрабатывания сустава

и непрерывной физиотерапии подвижность увеличилась всего лишь на два процента. Два! Да и то, судя по глазам травматолога Лидии Викторовны, та «приписала» их Кате, просто чтобы приободрить. Только вот что ей эти два процента дадут? Ровным счётом ничего! Твёрдости ведущей руке точно не прибавят, профессию не обеспечат.

Ещё вчера Катя в слезах рассказывала про результат обследования, когда звонила подружке Даше из художественной школы. Та, конечно, успокаивала. И Катя постаралась успокоиться — то есть перестала плакать. Но, если честно, только вчера она по-настоящему поняла, что художником ей не быть никогда. Ни через месяц, ни через годы обучения в Мухе, ни через десятилетия. Потому что кто ж её возьмёт в художественно-промышленную академию с нерабочей рукой? Никто.

Примерно с такими мыслями Катя и вошла в здание гимназии. Приложила карточку на входе и тут же попала на глаза великой и ужасной. Правда, более ужасной, чем великой, но тем не менее действующей классной руководительнице Ариадне Людвиговне.

Женщина-дракон встrepенулась, завидев лёгкую добычу.

— Строкова! Ну что такое? Ты опять без формы? Мы же договаривались: юбка в складку, рубашка и жилет. А ты снова в худи и брюках. Хорошо хоть не в джинсах на линейку пришла.

— Поддерживаю вас, Ариадна Людвиговна. Хорошо, что не в джинсах.

— Дерзишь, Строкова?

— Что вы, Ариадна Людвиговна, пытаюсь фокусироваться на минимальных положительных изменениях в моей жизни. Всецело к вам прислушиваюсь. На линейке буду стоять во втором ряду. Если хотите, даже за Вернигоренко встану. За ним меня не будет видно даже с квадрокоптера.

Женщина-дракон моргнула, потом ещё раз и решила благосклонно воспользоваться идеей.

— Вот так и поступим. Становись за Олегом. Только не в первой паре, а в третьей. Так тебя и спереди, и сзади видно не будет. — Классная спохватилась. — Я бы, разумеется, хотела, чтобы ты украшала собой первую линию. Но в этом виде...

Она смерила Катю многозначительным взглядом. Та склонила голову, из последних сил стараясь не расхохотаться и не ответить что-то вроде: «Я со своим фасадом ваш фронто́н не украшу». Но Ариадну окликнули, и женщина-дракон умчалась, стуча туфлями.

А Катя пошла уговаривать Вернигоренко встать в первую линию. Готовилась к длительной осаде, но Олег неожиданно согласился. Даже принял предложение как должное:

— Наконец-то ты перестала лезть вперёд, Строкова.

— Я и не лезла никогда.

— Конне-е-ечно! Строкова то, Строкова сё. Здесь наша Катерина пе-е-ервая, и там тоже. Может, теперь и нормальным людям достанется немного заслуженного внимания?

— Ты серьёзно?

— А чё нет?

Вернигоренко колыхнулся всей громадой своего рыхлого тела. Это особенно нелепо смотрелось в школьной форме. Брюки были ещё ничего, а вот безрукавка... Кате иногда казалось, что у его матери не было не только зрения, но и слуха. Потому что не видеть, как одет ребёнок, ещё можно было. Но вот не слышать, как вслед ему смеются соседи, — нет.

Кате хотелось высказать всё, что она думала о Вернигоренко, но годы, проведённые в обществе бабушки Лизы, помогли вовремя захлопнуть рот. Ответить она собиралась то, что мог понять только умный. Олег к этой категории явно не относился.

— Я уверена, что тебя теперь все смогут оценить по заслугам.

— Ты серьёзно? — Вернигоренко явно не ожидал её капитуляции.

— Серьёзно, Олеж. Линейка, классный час — и до сентября. А потом тебе непременно воздастся. Пойдём уже. Не сосуль над головой. А то я уже шею свернула.

— Ну окей, Строкова. Сегодня не твой день. Стой сзади, не вылезай вперёд.

Катя и не собиралась становиться в первую линию. А вот закатить глаза очень хотела, но вовремя сдержалась. Спорить с Вернигоренко сейчас она не планировала.

Десятиклассники вышли на линейку. Олег не подвёл. Прикрыл Катю от вездесущих фотографов и завуча Елены Алексеевны. Последний звонок прозвенел для выпускников, первоклашки

что-то пели, средняя школа исполняла танцы. Так и промелькнуло торжество.

Катя и глазом не успела моргнуть, как снова оказалась в родном кабинете. Надо потерпеть один урок — и всё! Она уже достала телефон, чтобы проверить, есть ли какие-то сообщения от ребят из художки. Пока Ариадна Людвиговна выводила своим неприятным меццо-сопрано вечную песню о «последнем рывке» и об «ответственности перед будущим», произошло ужасное.

На телефон пришло сообщение от отца: «Я приехал. Остановлюсь в “Астории”. Когда увидимся?» От неожиданности Катя чуть не выронила телефон. Подхватила непослушной правой рукой, но не удержала. Он соскользнул дальше и чуть не ударился о парту, но каким-то чудом левой рукой его всё же удалось поймать.

От облегчения Катя засмеялась не как обычно, про себя, а в полный голос. Ариадна Людвиговна выпрямилась за своим столом, похожим на гнездо хищной птицы из-за сваленных на нём вещей. Классная дама смерила Катю плотоядным взглядом и вцепилась в неё намертво.

— Не смешно, Строкова. В твоём случае особенно не смешно должно быть. Тебе бы тоже поднапрячься и исправить четвёрки по химии и физике. Знаешь ли, в нынешней ситуации дополнительные баллы при поступлении будут не лишними. Ты больше не небожительница, и тебе не улыбается теперь попасть с художественного конкурса в Академию Штиглица! Как простые смертные, будешь поступать на общих основаниях! Что характерно,

на вполне приземлённые, можно сказать, рабочие специальности. Будешь теперь искусствоведом или даже, страшно сказать, учителем рисования. Станешь вдавливать в пустые головы разумное, доброе, вечное! — Ариадна Людвиговна глубоко вздохнула. — Так что настоятельно рекомендую тебе взяться за ум: вернуться в сентябре с чётким пониманием, чего ты хочешь, и горячим желанием претендовать на медаль. А то период реабилитации может плавно перетечь в интеллигентскую хандру, а там и жизнь под откос полетит с большой скоростью. И это я тебе от большой любви говорю, Строкова. — Классная дама переключила внимание на остальных учеников. — Всем желаю хорошо отдохнуть на каникулах и до встречи первого сентября!

Одноклассники ещё не успели подняться из-за парт, а Катя уже выскочила из кабинета. Она никогда в жизни не бегала так быстро — ни до злополучного падения с электросамоката, ни, разумеется, после. Единственным желанием было умчаться подальше от «доброжелателей». Пусть лучше ничего не желают, чем несут такое убийственное, разрушительное добро.

